

A watercolor illustration of a woman with long dark hair, wearing a white top, a long blue skirt, and a red scarf, standing on a wooden pier or balcony. She is looking out over a greenish sea towards a distant horizon under a cloudy sky. A small sailboat is visible on the water to the left. The style is soft and painterly.

Юлия Борисова
Письмо
на фронт

рассказ

Раяна Сол

Письмо на фронт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68517369

SelfPub; 2023

Аннотация

Вселенная любит пошутить. Вселенная любит случайности. Ну, по крайней мере, для нас – это случайности, мы же не знаем планов вселенной. Главные герои этой книги никогда не знали друг о друге, жили в разных городах. Каждый со своими проблемами. Но одно письмо, найденное случайно, навсегда изменило их жизни. Читайте рассказ об искренних чувствах. Создано на основе реальных событий.

Содержание

Раз	4
Два	10
Три	17
Четыре	22

Раяна Сол

Письмо на фронт

Раз

– Оля, пойдём в музей.

– Не хочу.

– Ну тогда в театр. Там премьера. Говорят, интересно... Мария присела на кровать, погладила подругу по спине.

– Не хочу.

– Оля, ну нельзя же так...

– А как можно? Может у тебя и правила есть?

Ольга с шорохом перевернулась. С худого лица в обрамлении темных, но словно неживых волос смотрели ярко-зеленые глаза. Опять плакала. Так бывает, что во время слёз глаза меняют цвет. Вот и обычные серо-зеленые сейчас смотрелись как бутылочное стекло. Красивая ведь девка была... Была...

– Какие правила, горе ты моё? Маша вздохнула, хотела обнять подругу, но та отстранилась.

– Как правильно горевать. До какого числа можно, а после уже ни-ни. И слёз сколько. До литра еще допустимо, а после уже моветон. Так да?

– Ну зачем ты так. Я же пытаюсь помочь... Мы все хотим

помочь...

Укор подруги был справедлив. И Ольга взяла подругу за руку, взглянула в тревожное лицо.

– Да. Я знаю. Прости.

Она так часто говорила это слово "прости". В последнее время. "Прости, мама, что не могу его забыть", "Прости, что я опять порчу всем настроение своими неуместными слезами", "Прости, что не поехала с вами на юг". Прости. Прости. Прости.

– Я знаю, что со мной не просто. А теперь и вообще вот... Может и вправду...

Оля натужно улыбнулась, вытерла слезы. Спустила ноги с кровати.

– Да, ты права, Машка. Прости. Надо да, собраться, и куда-то выйти. А то ведь действительно с ума сойду. Куда ты там предлагала?

– В музей? Машка посмотрела подозрительно, удивляясь этой её покладистости.

– Да. Отлично. Пойдем в музей. Это просто чудо.

– Тогда айда собираться!

Подруга разулыбалась, распахнула дверцы шкафа и схватив кучу одежды, вывалила ее на кровать...

В последнее время Ольга действительно была невыносима. Срывалась на знакомых и незнакомых людях. Могла броситься с кулаками. Почему?! Как они смеют ходить, улыбаться, жрать суши или пиццу, когда его нет. И уже никогда не

будет...

Он ведь тоже любил и пиццу, и суши, и смеяться. Открыто и так заразительно, что совершенно невозможно было сердиться. И ему прощались все косяки.

" Не вини их, – говорила мама, – у них свои печали". Да, это понятно, что свои. Но это невыносимо тяжело. Вот вчера вы смеялись и разговаривали ни о чём. Обсуждали фильм, быть может, или дурацкий видосик в сети, спорили о том, какие обои купить в детскую. А теперь... его нет. И детская уже... Как это сказал агент по продаже недвижимости? "Не актуально". Точно. Не актуально. Слово то какое, хорошее. Обезличенное. А то, наверное, она вцепились ему в лицо ещё там, в старой квартире. А так сдержалась. Зацепилась за канцелярит. Так и продала и квартиру, и вещи. Себя бы еще куда деть... И воспоминания...

Вот машину заносит. Колёса идут юзом, визжат тормоза. Вот машина вылетает в овраг " Долина мертвых". Девушка и не верила, до этого дня. Что вправду – долина мёртвых. Опасный холм, овраг с двух сторон. Не сбросишь скорость, всё. Дальше дороги нет. Никто не верил, до тех пор, пока... Крестов было много. Больше, чем обычно бывает по обочинам трасс и венки с напоминанием: где, когда и кто. Почему, вот только не пишут. Кто-то пьяным за руль, кто-то лихачил, выпендривался перед друзьями или девушками. Они вот ругались. И главное то повод был какой-то дурацкий. Толи она, толи он, купили не то, что нужно, или не по той цене. Глав-

ное, что в какой-то момент Вадим выпустил руль, повернулся к ней. Далее обрывки памяти и слов...

Машина переворачивается раз и второй. Плюхается днищем на камни, ползет вниз. Она открывает глаза. Лобовое стекло разбито, как и лоб, на котором набухла здоровенная шишка. Тошнит. Во рту привкус крови. Всё плывёт и кружится. Хочется спать. Отодвинув подушку безопасности, пытается повернуть голову. Получается плохо.

– Вадим.... – голос сиплый.

Тишина.

– Вадим? Вадим! Вадим!

Его сидение пусто. Темнота.

После слышался вой сирены. Сирен. В полубреду, кажется, что это они во всём виноваты. Сирены. Как будто это они, подобно своей дальней родне, заманивают нас в свои сети, из которых уже не выбраться. А вот в больнице было хорошо. Белые стены, добрые улыбчивые доктора. И море успокоительного, от которого можно только пялиться в окно или спать, спать...

Оля выжила, он – нет. Точка.

А в музее былолюдно и шумно. Толпы школьников, иностранные туристы, сувениры, яркие пятна картин. Чего? Кого? С трудом разбирая, куда идет, Ольга просто перетаскивала себя из зала в зал. Рядом что-то жизнерадостно тараторила Машка. Потом замолчала.

– Оля, смотри...

– Что?

– "Письмо на фронт"

У маленького стола не особо много людей. Пачка бумаги и несколько дешевых ручек.

– Не хочешь? Машка рассматривает стол, – ну написать... Поддержать наших ребят. Там говорят сейчас жарко. И бои сильные.

– Поддержать? Да ты в своем уме? Кого я могу поддержать. Я сама то еле жива. Что я могу сказать. Не. Это бред. Я не мастер красивых слов.

– Не бред! И не нужно красивых слов, – Машка решительно подтолкнула подругу к столу, – не нужно им красоты. Красivosti они и от правительства наслушаются, потом, если выживут. А ты пиши, как чувствуешь... Как если бы писала ему...

Оля присела. Долго вертела ручку в руках. Собираясь.

– Что же... Что же... В голове было пусто. Разве что вот это:

«...А я имя твоё украла,
Леденцом оно на языке,
И прочней любого металла,
Ярче крови на белом песке.
Есть в нём крик испуганной птицы,
Или песни весёлой куплет,
Или резкий всполох зарницы,
На вопрос долгожданный ответ.

Мне в нём чудится грохот битвы,
Нежный посвист в ночи соловья,
Что, как мантру, и как молитву,
Сотни раз повторяю, любя.
Оно бьётся, как пульс, под кожей,
На губах – горько-сладкая соль.
Без ума, люблю, до дорожи.
Твоё имя мне спрятать позволь.
Сердце будет его амулет,
И нет защиты в мире сильней,
Чтоб, когда зацветет бересклет,
Ты, мой воин, вернулся ко мне.

Строки лились легко и быстро. Стихотворение тоже
вспомнилось легко. Не новое. Из тех времен, когда она еще
могла писать стихи. Когда еще жила....

Два

Эй, робят! – тут вам письма пришли.

Огромный мешок плюхнулся на пустую кровать.

– А эти... – махнул рукой Санёк и отвернулся, – из благотворительных.

Санёк ждал от жены, но она не писала... Уже давно. Как ушел на войну добровольцем. Так и заявила: откосить не смог, вот и вали. А я, мол, найду себе посообразительней. Нашла видимо.

В госпитале особо делать нечего. Особенно если лежишь уже третий месяц с тяжелой контузией. Через неделю надоедает всё. Игрушки в телефоне, книжки, разговоры. Кто-то выписывается. На его место приходит следующий. От него узнают о новостях. Настоящих, с полей. А не тех, выхолощенных из газет. И так день за днём. Ребята, те, кто покрепче, письма разобрали. Всё-таки читать тёплые слова поддержки, рассматривать детские рисунки было приятно. Это помогало удержаться на плаву. Знать, что там есть другая жизнь. Счастливые дети, мирное небо.

Читали со смехом, со слезами. Санек встал. Вышел в коридор. Пошел в сторону туалета, попутно разминая руки. Доктор велел. Особенно заново сшитую. Та все еще бодела, собака. Ныла ночами, заставляя просыпаться и тереть, тереть, тереть... От снотворного он отказывался, не вслух,

конечно, а так чтоб не видели, потихоньку сплавлял в утку, утром выкидывал. Нечего. Этак он и вовсе разучится спать без лекарств. Вот и сейчас, после вечернего обхода, когда уже все спали, наклонился за судном и заметил между стеной и кроватью небольшой белый конверт. Откуда?

Повертел в руках. Обычный. Почтовый. Без обратного адреса и имени отправителя. Конверт слегка пах духами, женскими. Какой-то нежный запах: сладкий, но не приторный.

А. Наверное из мешка выпало сегодня, когда почту приносили...

Незаметно для себя надорвал, вытащил небольшой прямоугольник письма...

Ни обращения, ни «здравствуй». Просто легкие торопливые строчки.

Я у тебя твое имя украла,

Леденцом оно на языке....

Стихи были красивые. Женские, конечно. Но красивые. И такие, словно отправительница писала не какому-то бойцу, а именно ему, Александру. И именно его имя она так берегла и хранила у сердца. И его оберегала в боях. Глупость. Но от этой глупости так заболело сердце, что он судорожно вздохнул.

Ну вот. Ещё чего не хватало. Главное, жена бросила – не плакал, бойцов – товарищей терял – крепился, до хруста в челюстях, но не плакал. И после, когда наспех сшивали руку, и потом, и потом, когда боли возвращались каждую ночь. А

тут вот... Какая-то девка, с её стихами...

Совестно. Или нет... А пёс его знает, что это. Махнул в темноте рукой, лёг. В голове крутилось «мой воин, мой... вернись, вернись ко мне... Письмо лежало на тумбочке.

– О! А наш Санек не так прост! – Виталик был из новеньких, с легким ранением, мог бы уже и выписаться, но не спешил. Кормят, поят, тепло. Куда спешить? Вот и развлекается. Подхватил конверт, вытащил письмо.

– Баба ему какая-то стихи пишет. Глянь, аж на слезу пробивает. Сейчас зачту. Кх, Кх...

Санек поднялся. Медленно, сжал кулаки. Сказал тихо:

– Положи. На. Место.

– А то что? Виталик ещё не догонял, что поступает он, мягко говоря, нетактично, а если по-простому, то по-скотски. Приподнял письмо над головой.

– Чё? Жена одумалась? Или новой обзавелся?

– Я. Сказал. Положи. На. Место. Санёк выдвинулся вперед, схватил беспутного за грудки...

– Ну ты чё? Чё ты завелся? Подумаешь, письмо. Их вон полнище. Тем более тут ни имени, не адреса, может она страшна как кобыла, девка эта или вообще мужик писал, псих какой-нибудь...

Санька в роте побаивались даже самые дерзкие пацаны. Высокий и сильный, он редко выходил из себя, но владея рукопашным боем, мог двумя пальцами успокоить. В болевую точку. Да так, что потом два часа отдыхаться будешь.

Санек стоял и смотрел на Виталика. Не отпускал. И тот наконец понял что-то. Улыбка медленно сползла.

Тут и другие подтянулись, загомонили:

– Виталик, отдай письмо. Не будь сволочью.

– Да. Положи на место...

– Да ладно. Чё вы, как эти. Уже и пошутить нельзя. – Он медленно опустил руку, положил письмо на кровать. Санек ослабил хватку и Виталик дернулся, поправил ворот. Зыркнул недобро и вышел из комнаты. Было слышно, как он напевает в коридоре, зубоскалит с медсестрами. Вот же...

– Всё, Александр, готовьтесь. Завтра выпишу.

– Ну Максим Константинович? Может я в часть? Санёк закатал рукав, просяще взглянул на доктора, – Да на мне пахать можно!

– Можно, – согласился хирург, не отрываясь взглядом от спица, где переливалось лекарство, – но не нужно.

– Вы, Александр Николаевич, слишком много на себя берёте, организм – это вам не «хухры-мухры», ему тоже отдых нужен, – взглянул поверх очков. Глаза были хорошие, усталые только, и морщины вон проявились резче. А ведь не старик еще. Впрочем, война красоты не добавляет, как и молодости, шрамы если только...

– Сказано тебе, Сань, всё. Повоевал и хватит. Другим дай отличиться. Давай домой двигай. Да и жена, наверное, ждёт. Соскучилась.

Да, – горько ухмыльнулся, – ждёт. Как же.

– А ну отставить панику! Это еще что такое?! Хирург присел на кушетку рядом, осторожно тронул за плечо.

– Это всё мелочи, Саня. Понимаешь, ме-ло-чи. Главное, чтобы мир, а там уж разберешься. Скоро вон сказали договор подпишут. Мирный. Вот это важно, а бабы, что бабы? Слабые. Что с них взять. А вот Витальку не слушай. Не слушай. Подловатый он мужик. Такой в открытый бой не полезет, скорее исподтишка.

Ну всё. Ступай. Завтра скажу, принесут документы...

– Спасибо, Максим Николаевич. И за операцию и вообще. Простились тепло.

Пока шёл по коридору до палаты, всё думал над словами доктора о том, что женщины – слабы. Может прав, а может и нет и вообще, а что если... Да ну. Бред. А и всё-таки. Чем чёрт не шутит. Попытка то не пытка. Стихотворение есть, интернет в помощь. Где-нибудь да засветилась небось. Поэты, им же публичность нужна, без того никак. С пониманием же...

А доктор как в воду глядел. Письмо пропало. Только вот лежало в тумбочке и нет его. Кто взял, спрашивается?

– Ты зачем, падла, письмо спёр!

Прижатый к стенке Виталик развел руками и ухмыльнулся:

– Ты о чём, брат? Какие письма, я в столовке был. Вон у ребят спроси.

Спросил. Действительно был. Крутился у всех на виду. В

туалет только отлучался, минут на пять.

От столовки до палаты два коридора и пролёт, больному не одолеть так быстро, чтоб ещё и вернуться. А вот здоровому, и, если бегом. Вполне можно. А этот вон стоит, ухмыляется, лось. И время то, сволочь, выгадал, когда все на процедурах или на обеде.

Без письма совсем плохо. Он, конечно, прочитал его несколько раз, но чтобы наизусть запомнить, этого не было. Помнил, что речь шла об имени вообще. Вот и ищи ветра в поле.

– Дядька Игнат! Дядька Игнат! – старый шофёр обернулся.

– Это ты в среду почту приносишь?

– Ну раз смена моя была, то стало быть я. А что?

– А ты не помнишь, откуда письма были? Из какого города.

Мужчина расхохотался.

– Ну ты, малой, и спросил... Их откуда только не шлют. Со всех, можно сказать, концов, нашей необъятной Родины. Вон даже, из Якутии пришли...

– Ну всё ж таки, есть хоть какой-то способ узнать?

Так не хотелось отказываться хоть и от призрачного, но шанса...

Почтальон взгляделся в бледное лицо, покачал головой. Вздохнул.

– Эх, малой, что вы всё.... А, ладно. Стой тут, щас в кан-

целярию звякну, они мне путевой лист составляли. Попро-
бую узнать...

Долго тыкал в кнопки на старой разбитой Нокия. Потом минут пять ждал соединения.

– Любочка, здорово. Кто. Кто. Игнат в пальто. Узнала? Ха-ха. Ты ж моя хорошая. Любаш вопросик до тебя есть. Мне позавчерась почту грузили. Да. Так ты мне путевой составляла. Да я помню, не в склерозе еще. А у тебя есть информация из каких областей мешочки то были с письмами? Ну посмотри, ну для меня. Да. Конфет куплю... Ага... Спасибо, дорогая...

– Ну всё, – Игнат хитро прищурился, – вызнал я. Тула, Калуга, Орёл. Только три области было... Повезло.

– Спасибо, дядька Игнат. Ты знаешь, как меня выручил! Во как!

Санька заулыбался. Хотелось снова жить, и бежать, и лететь. Он и полетел. Собирать вещи.

– Девка то хоть красивая? – Вдогонку крикнул шофёр

– Ага! Супер просто! – Санька был уже далеко...

Три

– Здрасьте. А Ольга Фролова здесь проживает?

Мужчина за дверью был высоким, даже слишком. И вид имел устрашающий, шрам над бровью. Камуфляж. Берцы. У ног стоял военного вида рюкзак.

Мужчина смотрел на нее в упор, словно точно знал, что она – это она. А спросил так, проформы для...

Господи, зачем она открыла дверь. Не спросила, кто. В домофон не посмотрела... Вот дура то. А если грабитель... А если хуже...

Что она сделает против него. Бежать? Куда? В ванную и запереться там? Глаза заметались по квартире, ища укрытие.

– Это вы? – Повторил мужчина.

– Ольга Фролова – вы?

А может и не грабитель. А кто? Коллектор? Да не брала она кредитов. Или из милиции?

– Меня Александром звать... Я к вам.

– Да. Это я. – пискнула Ольга, – а вы, собственно, кто?

Я, собственно, никто. Для вас. Пока. Но, а вдруг... Мужчина улыбнулся. Широко. От души, – Чай найдется? И без спроса шагнул в кухню...

Час спустя девушка всё еще не переставала удивляться такому совпадению, или что это... Да, письмо она писала почти полгода назад. Но без адреса обратного, имени и фами-

лии.

– А как вы меня нашли то?

– О, -Александр закатил глаза, – Ну у меня знакомые есть в Интерполе, они провели подчёрковедческую, потом сравнили с базой данных, там еще были ин агенты, террористы, полет на самолете, приземление на парашюте и вот.

– Что вот?

– Я здесь. Оля округлила глаза. Сообразила чуть позже.

– Шутите, да?

– Шучу. Конечно. А вы такая доверчивая...

Александрю было так хорошо на маленькой уютной кухне. Что слова сами лились из него. И слова, и остроты. А ведь он считал себя нелюдимым, даже дикарем где-то. А вот поди ж ты... Девчонка и вправду оказалась интересной. Не красавицей, в общем понимании этого слова. Но из тех, что всегда привлекают взгляд. В любом возрасте. Особенно ему понравились глаза. Они были, что называют «пронзительными», словно чужими на этом молодом лице, старше, опытнее, мудрее. И это завораживало. Хотелось, чтобы она, вот как сейчас, смотрела только на него, и слушала, подперев щёчку маленьким кулаком.

Чайник успел вскипеть и остыть, и еще раз, а заварка в кружках так и осталась без кипятка.

– На самом деле, – рассказывал Александр, – всё было не так романтично, даже скорее банально. Я помнил первую строчку стихотворения, пробил в поисковике, меня переки-

нуло на какой-то сайт со стихами, а там ваш профиль, имя и фамилия, город я знал. Потом уже нашел в соц сетях и у друзей выспросил адрес. Вот и всё.

– У друзей? – встрепенулась Оля, – у каких еще друзей? Это кто у меня в друзьях такой самоубийца, чтоб без моего разрешения адреса раздавать...

– Всяким...

– Не всяким, но всё-таки.

– Не сердись на неё, – посерьёзnel парень, – я обещал не выдавать...

– Ах, пообещал. Ну я и так знаю, что это Машка. Больше никому. Только она озабочена устройством моего личного счастья.

– Не злись, прошу. Она не виновата. Если неприятно, я сейчас уйду.

Александр засобирался, подтянул к себе рюкзак, встал. Ольга молчала.

Стояла, смотрела, как он надевает ботинки, открывает дверь.

– Александр...

– ???

– Вы не ответили на один вопрос.

– Какой же? – Голос вдруг стал тихим, сердце застучало быстрее.

– А зачем вы меня искали?

Санька поставил рюкзак на пол, прислонился к двери,

скрестил руки на груди, посмотрел на женщину. Она казалась маленькой, испуганной где-то, ранимой, но в тоже время чувствовалась невероятная сила, душа, дух за этой хрупкой оболочкой.

– Мне захотелось посмотреть на леди, которая пишет такие красивые стихи, и которая ТАК умеет ждать, что к ней хочется вернуться даже с того света, ну или почти... И я понимаю, что я может быть не вовремя, у тебя своя жизнь и проблемы. И вообще... А тут я. Ворвался, натоптал. Может в душу плюнул своей бесцеремонностью. Но...

– Но?

А что если, это всё действительно не случайность. И письмо и то, что оно нашло меня. А не я его. И встреча. Хотя на самом то деле найти тебя было очень непросто. Представляешь сколько бездарных стихов мне пришлось прочитать, пока твоё нашел.

– Сколько? Захотелось улыбнуться.

– Уууу. И не спрашивай.

Но если бы вы, ты дала нам шанс получше узнать друг друга, если...

Он смотрел почти умоляюще, это был самый долгий взгляд в их жизни. Ольга не выдержала, отвернулась первой. Хлопнула дверь, шаги заспешили вниз. В квартире снова стало тихо, безопасно, и пусто...

– Александр! – Ольга куталась в наспех наброшенную шаль. Выбежала в домашнем. Спешила, -а мы с вами чай так

и не выпили...

Четыре

Этой ночью ей впервые приснился Вадим. Не тогда, девять и сорок дней спустя, когда она просила, молила: – Приснись! Ну пожалуйста. Дай хоть попрощаться как следует. Ведь на похоронах она не была, сама еще лежала в больнице... И потом, когда её откачивали санитары. После таблеток.

А вот теперь. Муж подошёл к ней так близко, что она чувствовала его дыхание и аромат любимого лосьона после бритья. Ольга хотела обнять его, но Вадим грустно улыбнулся, покачал головой. Протянул руку, осторожно коснулся ее ладошки, а после, не оборачиваясь, ушел в темноту. Она разжала судорожно сведённые пальцы. На ладони блестело золотое кольцо. Его. Обручальное.

После сон стал спокойным. Утром Ольге впервые захотелось выбраться в город, пойти выпить кофе или сок, или чай. Неважно. А после пойти в парк и гулять, гулять, дышать мартовским воздухом, смотреть на грачей и лужи, и подставлять лицо холодным каплям дождя. А вечером Саша пригласил ее в кино. Улыбаясь, девушка дошла до кухни. Охнула. На столе лежала вещь, которой здесь быть не должно. Маленький золотой ободок.